

БЫЧКОВА Ольга Анатольевна

**ПРОБЛЕМА СИМУЛЯКРА
В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(на материале произведений А. Битова,
Т. Толстой, В. Пелевина)**

Специальность: 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2008

Работа выполнена на кафедре литературы факультета русской филологии
ГОУ ВПО «Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор **Ивлев Дмитрий Данилович**
Российский университет дружбы народов

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Коваленко Александр Георгиевич**
Российский университет дружбы народов

кандидат филологических наук, профессор **Степанов Владислав Алексеевич**
Чебоксарский филиал ГОУ ВПО «Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова»

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Марийский государственный университет»

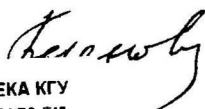
Защита диссертации состоится 30 мая 2008 г. в 15-00
на заседании диссертационного совета Д 212.203.23
при Российском университете дружбы народов
по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов.

Автореферат диссертации размещен на сайте www.rudn.ru.

Автореферат диссертации разослан 29 апреля 2008 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

А.Е. Базанова

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000434425

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. В конце 80 - начале 90-х годов XX века русская эстетическая мысль активно увлекается теорией постмодернизма. В поисках адекватной эпохе и состоянию культуры модели описания новой художественной действительности российские исследователи и критики во многом ориентируются на философские и эстетические концепции, возникшие в мировой постмодернистской практике, а также близкие им по духу отечественные теории.

Почти сразу была поставлена проблема легитимности постмодернизма как философской и эстетической теории. Под термином «легитимность» нами понимается «признание, объяснение и оправдание социального порядка, действия, действующего лица или события» [Философский словарь. – Минск : Изд-во В.М. Скаун, 1998. – С. 360]. Легитимность, в отличие от легальности, обладает моральной функцией оправдания по критериям авторитета и целей и является не свойством социального порядка, но свойством определенного представления о нем.

Впервые о проблеме легитимности всякого научного знания на современном этапе заговорил Жан-Франсуа Лиотар в своей программной работе «Состояние постмодерна» (1979). Освещая ситуацию современности, Лиотар констатирует кризис состояния науки, явившийся прямым следствием предыдущего развития культуры и общества в целом. По мнению философа, на протяжении многих столетий разные типы «нарратий» (повествований), разные дискурсивные установки вели мирное добрососедское существование, но с эпохи Просвещения началось время метанарратий (Больших повествований), вступил в силу новый тип дискурса, «дискурс легитимации».

С позиций знания легитимация есть «процесс, по которому законодателью, трактующему научный дискурс, разрешено предписывать указанные условия <...> для того, чтобы некое высказывание составило часть этого дискурса и могло быть принято к вниманию научным сообществом» [Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – С. 616].

Постмодернизм, по Лиотару, начинается там, где пропадает доверие к тотальным способам высказывания, и тогда, когда человечество сознает невозможность универсального языка. Вслед за Лиотаром каждый пишущий о постмодернизме (или, просто, убежденный постмодернист) по сей день, приступая к работе, оговаривает определенную долю условности и субъективности, выпадающей на долю собственного исследования.

Затруднения вызывают и употребление слова «постмодернизм», равно как и «постмодерн», а также определение границ существования явления («нет, не явления, не направления, а лишь интенции» – В. Курицын), формулировка его типологических черт.

Современным эстетическим сознанием и философской мыслью сформулированы достаточно отчетливые представления о феномене постмодернизма, однако это понятие до сих пор не имеет устоявшегося вербального выражения. Пока это достаточно обобщенное и неотчетливое в

смысловом отношении понятие, фигурирующее в гуманитарных науках последней трети XX в. для обозначения ситуации в сферах новейшей художественной культуры, литературы, литературной и художественной критики и эстетики, но также и в философии, политике, науке и культурно-цивилизационном процессе в целом.

В основе теоретической части нашего исследования лежит стремление описать постмодернизм как целостную *художественную систему* (термин И.Ф. Волкова).

Понимая затруднительность в рамках одной работы исследовать систему в целом, мы предлагаем осуществление системного подхода через поэтику. В связи с этим объектом нашего пристального внимания стали наиболее важные системные уровни: *мир, человек и искусство*. Для определения мировоззренческих позиций литературного постмодернизма, равно как и для выявления его отношения к человеку и искусству были задействованы основные понятия и категориальный аппарат постмодернистской эстетики в тесном взаимодействии с «нон-классической» философией (философией постмодернизма), а также семиотикой.

Объект исследования – романы «Пушкинский дом» (1971) А. Г. Битова, «Кысь» (2000) Т. Н. Толстой, «Чапаев и Пустота» (1996), Generation «П» (1999), а также ряд рассказов из сборника «Желтая стрела» (2002) В. Пелевина.

Предмет – литературные приемы, способы повествования, образы, способствующие раскрытию поэтики русского постмодернизма.

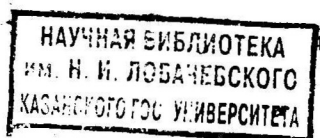
Целью исследования является изучение феномена симулякра в произведениях русского постмодернизма, а также определение специфики образа-симулякра по отношению к понятию «художественный образ». В связи с этим предстояло решить следующие задачи.

1. Изучить основные категории постмодернистской философии и эстетики, связанные с функционированием постмодернизма как *художественной системы*, а именно определить особенности проявления в постмодернизме категорий *мир, человек, искусство*.

2. Проанализировать специфические особенности знака-симулякра как важнейшей категории постмодернистской эстетики и поэтики.

3. На материале наиболее значительных художественных произведений русского постмодернизма разных лет («Пушкинский дом» А. Битова (1971), «Кысь» Т. Толстой (2000), «Чапаев и Пустота» (1994), «Generation «П»» (1999), рассказов сборника «Желтая стрела» (2002) В. Пелевина) исследовать особенности проявления симулякров «русская интеллигенция» и «образ А.С. Пушкина».

Научная новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем предлагается рассмотрение постмодернизма как *эстетики симулякров*. Современные ученые выделяют три приоритетных свойства постмодернизма: диалогизм, игра, интертекстуальность. Однако среди названных характеристик нет управляющего стержня, позволяющего организовать единство их практического применения. Таким образом, симулякр рассматривается в

качестве универсальной категории постмодернистской эстетики и узлового элемента поэтики постмодернистского текста.

Для того чтобы достичь поставленных целей и задач, была сформулирована следующая рабочая гипотеза: симулякр является особым видом образа в сравнении с понятием «художественный образ» в традиционном литературоведении.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

- симулякр – одно из ключевых понятий постмодернистской эстетики и поэтики – предстает, соответственно, как знак, лишенный отношения референциальности и как образ образа (знак второго, третьего и последующего уровней по отношению к художественному образу);

- в романах «Пушкинский дом» А. Битова, «Кысь» Т. Толстой, «Чапаев и Пустота», «Generation «П», рассказах сборника «Желтая стрела» В. Пелевина находит художественное отражение проблема симуляции бытия;

- симулякры массового сознания «русская интеллигенция» и «образ А.С. Пушкина» интерпретируются в произведениях А. Битова, Т. Толстой, В. Пелевина как сигнал тревоги в отношении перспектив развития современной культуры и человека;

- нравственно-этическая функция постмодернистской литературы реализуется в процессе поиска выхода за пределы симулякров бытия.

Методологическая основа исследования. Специфика рассматриваемой в исследовании проблемы потребовала сопряжения следующих методов: историко-литературного в такой своей разновидности, как историко-функциональный, а также сравнительно-сопоставительного, культурологического и контекстуального.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют:

- произведения ведущих философов и ученых конца XIX – начала XX вв., оказавшие значительное воздействие на гуманитарную мысль XX века: Ф. Ницше, Г.В.Ф. Гегеля, Ф. де Соссюра, Х. Ортеги-и-Гассета, А. Кожева;

- исследования выдающихся западных ученых, лингвистов XX в., основоположников постмодернистской философии: Р. Барта, Ж. Батая, М. Бланшо, Ж. Бодрийяра, Ф. Гваттари, Ж. Делеза, Ж. Деррида, Ч. Дженкса, П. Кlossовски, Ю. Кристевой, Ж.-Ф. Лиотара, Ф. Фукуямы и др.;

- труды крупнейших русских ученых XX в., сделавших важные открытия в области литературоведения, культурологии и семиотики: М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, М.Б. Храпченко, М.Л. Гаспарова, И.Ф. Волкова и др.

В работах отечественных ученых-литературоведов Л.А. Аннинского, О.В. Богдановой, П. Вайля, А. Гениса, Вик. Ерофеева, А.К. Жолковского, Д.В. Затонского, И.П. Ильина, А.Г. Коваленко, В. Курицына, М.Н. Липовецкого, Н.Б. Маньковской, Г.Л. Нефагиной, Л.А. Осповата, И.С. Скоропановой, О. Славниковой, В. Халипова, М. Эпштейна прослеживается формирование новых методологических принципов в области изучения метода, стиля, поэтики постмодернистской литературы.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что в ней дается терминологическое обозначение явлений, характеризующих современный литературный процесс, делается попытка расширения горизонтов интерпретации художественных произведений конца XX – начала XXI вв.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее положения могут быть реализованы в учебном процессе, в преподавании курса истории русской литературы конца XX – начала XXI вв. (раздела о постмодернизме), в разработке спецкурсов и спецсеминаров по проблемам постмодернистской литературы, в частности, по проблеме симулякра, отраженной в ней. Работа может быть полезной и для совершенствования школьного преподавания литературы, проведения цикла уроков, посвященных проблемам литературы последней трети XX – первого десятилетия XXI вв.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации нашли свое отражение в докладах соискателя на межвузовской научно-практической конференции «XX век в истории литературы и культуры» (г. Чебоксары, ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 7-9 октября 1999 г.), на Международной конференции «Русское литературоведение в новом тысячелетии» (г. Москва, МГОПУ им. М.А. Шолохова, 22-26 апреля 2002 г.); на Международной научной конференции «Язык, литература, культура: диалог поколений» (Москва – Чебоксары, ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 14-16 октября 2003 г.), на Региональной конференции «Новые аспекты преподавания русского языка в условиях би- и полилингвизма» (г. Чебоксары, ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 3 декабря 2004 г.); на Международной научно-практической конференции «Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические» (г. Чебоксары, ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 20-21 октября 2006 г.), на Региональной научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе» (г. Йошкар-Ола МГПИ им. Н. К. Крупской, 8-9 ноября 2007 г.); на ежегодных научно-практических конференциях аспирантов и преподавателей в секции «Гуманитарные дисциплины» ЧГПУ им. И.Я. Яковлева (2001, 2002, 2003, 2004, 2005, гг.).

Диссертация обсуждалась на кафедре литературы Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

Цели и задачи исследования определили структуру диссертации, которая состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, новизна и научная значимость исследования, определяются объект и предмет изучения, цели и задачи диссертации.

В данном разделе работы также дается представление о генезисе постмодернизма, обсуждается проблема его легитимации как научной теории.

В первой главе «Проблема симулякра в контексте философии и эстетики постмодернизма» рассматриваются мировоззренческие установки и основные категории постмодернистской философии и эстетики. Специальное

внимание уделяется типологии картины бытия в постмодернизме и характерным чертам постмодернистского субъекта. Особо рассматривается гипотеза о происхождении симулякра. В связи с этим проводится сопоставление симулякра с категорией «художественный образ».

История человечества отмечена последовательной сменой множества культурных эпох. Последняя из них получила название *постмодерна*. В предельно широком контексте под постмодерном понимается «глобальное состояние цивилизации последних десятилетий, вся сумма культурных настроений и философских тенденций, связанных с ощущением завершенности целого этапа культуристорического развития, изжитости «современности», вступления в полосу эволюционного кризиса» (Скоропанова И. С.).

По отношению к философии, литературе и искусству и для характеристики определенных тенденций в культуре в целом применяют производное от понятия «постмодерн» понятие «постмодернизм».

В ходе исследования философии и эстетики постмодернизма выкристаллизовались наиболее общие и существенные признаки постмодернизма.

В стремлении порвать с классической метафизикой постмодернизм отвергает идеи божественного начала мира, бинарности, прогресса истории. В постмодернизме достаточно отчетливо сформирована концепция «нового историзма». Она проявилась в идее «конца истории», сформулированной в работах ряда современных философов. Данная идея непосредственно связана с интерпретацией истории как конца (Ф. Фукуяма), как мифа (П. Кlossовски), как круговорота (Ф. Ницше, Ж. Делез, Ю. М. Лотман).

Концепция нового историзма в постмодернизме нашла свое отражение в современной литературе (интертекстуальность, цитатность, вариативность сюжета, взаимозаменяемость героев, прием авторской маски). Такое понимание истории лежит и в основе жанра «квазиистории», уравнивающего в правах реальную историю и вымысел. Таковы «Имя розы» У. Эко, «Райские псы» А. Поссе, «Последний мир» К. Райсмана, «Чапаев и Пустота» В. Пелевина и другие.

Картина мира в постмодернизме предполагает наличие двух и более реальностей одновременно: «настоящей» реальности и различных форм сверхреальностей. Среди таковых были изучены явления *гиперреальности* и *виртуальной реальности*.

Идея множественности миров нашла свое отражение в концепции *онтологически неуверенной личности*. К числу важнейших качеств такой личности относится т.н. «нулевой уровень сознания», связанный с явлением погружения ее в гиперреальное пространство современной экономики, политики, масс-медиа культуры. Постмодернисты в целом отвергают модернистскую концепцию *субъекта*, по крайней мере, радикально ее пересматривают. «Прежний, цельный и рациональный человек культуры оказался заменен неким динамическим «образованием», социально и лингвистически децентрированным и фрагментированным» [Чичнева, Е. Жиль

Делез и культура постмодерна / Е. Чичнева // Здравый смысл. – 1998. – № 4 (8). – С. 61].

В основе эстетики постмодернизма лежит постструктуралистский тезис «мир (сознание) как текст» (Р. Барт, Ю. Кристева).

Симулякр проявляет себя как наиболее значимая категория постмодернистской философии и эстетики. «Симулякр (от лат. *simulacrum* – изображение, подобие, видимость) – термин философии постмодернизма, определяемый в качестве «точной копии, оригинал которой никогда не существовал» (Джеймисон) [Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 727].

Само понятие «симулякр» было заимствовано постмодернистскими критиками из философии Платона. Генетически восходит к одноименному термину, обозначавшему у Платона «копию копии». Ж. Делез в статье «Платон и симулякр» (1969) [Delez, G. Platon et le simu-lacre / G. Deleuze // *Logique du sens*. – Paris : Editions de Minuit, 1969. – P. 226] уточняет его природу. Согласно Делезу, *симулякр* – знак, который отрицает и оригинал (вещь), и копию (изображение вещи, обладающее сходством/тождеством). Это изображение, лишенное сходства; образ, лишенный подобия.

В работе сопоставляются понятия «симулякр» и «художественный образ». Важнейшее свойство художественного образа – мимесис. Посредством мимесиса в художественном произведении отражается, преобразуется наличная действительность. Однако постмодернизм размывает границу между реальностью и художественным произведением, выдвинув тезис «мир как текст» (Р. Барт), он, по сути, отменяет категорию мимесиса. «Оторвавшись, в сущности, от своего прежнего миметического значения, симулякр как дно из ключевых понятий постмодернистской эстетики символизирует нечто противоположное – конец подражания, референциальности» [Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. – СПб. : Изд-во «Алетейя», 2000. – С. 56-57].

Мимесис в пространстве гипертекста представляет собой игру симулякров, отсылающих друг к другу (ко всему миру-тексту). Таким образом, не происходит выхода за пределы текстуальной реальности ни в какую вещественную реальность. Следовательно, в случае постмодернизма репрезентация действительности представляет собой не взаимодействие произведения и реальности, а текста с текстом. И если постараться говорить о таком произведении в категориях традиционного литературоведения, то следует отметить, что образы проявляют себя как знаки вторичного уровня по отношению к классическим представлениям о художественном образе.

Таким образом, в ходе исследования выработаны следующие определения симулякра: 1) с точки зрения философии и семиотики, симулякр – это знак отсутствующей референциальности; 2) в соотнесенности с категорией «художественный образ» по принципу миметического отражения, принятому в традиционном литературоведении, симулякр – это образ образа.

Во второй главе «Проблема симуляции действительности в русской постмодернистской литературе (на примере особенностей проявления и функционирования симулякров массового сознания «русская интеллигенция» и «образ А. С. Пушкина»)» на материале конкретных литературных произведений изучаются феномены симуляции и симулякра. В частности, исследуются особенности проявления концептов «русская интеллигенция» и «образ А. С. Пушкина» в условиях постмодернистского текста.

Осмысление Пушкина русской культурой в качестве центральной фигуры русской классики, национального гения, «солнца русской поэзии» позволяет отнести его тексты к типу «метатекстов» (по Лиотару, наиболее значимых произведений, повлиявших на развитие человечества, мировой истории, искусства, таких как, например, Библия). Естественно, в связи с этим пушкинские тексты (и сам образ Пушкина) становятся привлекательным объектом для постмодернистской игры, цитации, иронии: они являются ярким воплощением подавляющего тоталитарного дискурса классической литературы, обычно не подвергавшейся критической оценке.

В этом смысле деконструкция текстов и образа Пушкина – принципиальный жест постмодернистской литературы, проникнутой критическим отношением к любым абсолютам. Попытку отыскать «живого» Пушкина предприняли многие писатели-постмодернисты. Об этом «Пушкинский дом», «Вычитание зайца», «Фотография Пушкина» А. Битова, «Москва - Петушки» Вен. Ерофеева, «Заповедник» С. Довлатова, «Русская красавица» Виктора Ерофеева, «Мардонги» В. Пелевина, «Кысь», «Сюжет», «Лимпопо» Т. Толстой, «НРЗБ» А. Жолковского, «Дама пик», «Гений места» А. Королева.

Для выяснения симуляционного характера концепта «русский интеллигент» исследуется статья М.Ю. Лотмана «Интеллигенция и свобода». Одним из важнейших свойств интеллигенции Ю.М. Лотман полагает «литературность и мифологизм». По мнению ученого, «интеллигент – это, в первую очередь, литературный тип (вроде пресловутого лишнего человека – не случайно, что эти типы интерферируют), литературна его сущность, литературно происхождение» [Лотман Ю.М. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) / Русская интеллигенция и западный интеллектуализм; История и типология. – М.: О.Г.И., 1999, С. 147]. Это подводит нас к определению концепта «интеллигенция» как *симулякра* (в значении образ образа).

С точки зрения проблемы симуляции действительности исследуется роман А.Г. Битова «Пушкинский дом».

Роман Битова представляет собой классический образец постмодернистского произведения, в котором присутствуют основные типологические его черты: интерпретация мира как текста, разорванная композиция, интертекстуальность. В нем реализуется писательское кредо, касающееся не только (и не столько) поэтики и композиции, сколько битовской

философии, которая определяется не порядком, а беспорядочностью, не законом, а беззаконием, не правилом, а абсурдом.

Метафора «мир – текст» реализуется в романе во многом посредством особого *хронотопа автора*. Поначалу отстоящий отдельно, авторский центр повествования постепенно «перетекает» в пространственно-временной уровень художественного повествования. Для достижения описанного эффекта в романе использованы специфические приемы: *обнажение приема и прием «вхождения» автора в текст (автор-персонаж)*.

Так, Битов постоянно поддерживает с читателями теснейший контакт, побуждает их чувствовать себя в атмосфере книги «как дома». Систематическое обнажение приема призвано показать грани, сквозь которые текст и жизнь друг в друга проникают. Это концептуально важно для автора, ибо идея романа вращается вокруг проблемы окаменелости современного искусства, а точнее, критики восприятия классического культурного наследия как готовых форм и смыслов.

С другой стороны, «перетекание» реальностей в романе может осуществляться с помощью приема «вхождения» автора в художественный текст (или, наоборот, перехода героя из текста в жизнь). Гипотетически такое возможно благодаря особой концепции времени, изложенной Битовым в приложении к роману «Ахиллес и черепаха. (Отношения автора и героя)». Настоящее автора – это будущее героя. В определенный момент (ближе к финалу произведения) автор синхронизирует свои часы с часами героя, и утром 8 ноября 196... года «приходит» в Пушкинский дом, учреждение, где работает герой, и разговаривает с ним. В точке настоящего, «на острие этого укола», автор и герой уравниваются в правах. В романе мы также обнаруживаем интересный ход: сам Лева пытается войти в текст уже пушкинского «Медного всадника». Гуляя по ночному Ленинграду, на спор усаживается на мраморного льва, подобно Евгению. Таким образом, он делает из себя живую цитату.

Прием «вхождения» (автора или даже читателя) в текст мы нередко наблюдаем у писателей-постмодернистов. К примеру, в романах «Если однажды зимней ночью путник» (1979) Итало Кальвино, «Подруга французского лейтенанта» (1967) Дж. Фаулза. Момент вхождения автора в текст сопровождается пересечением временных потоков: художественного времени романа и реального времени автора (и читателей).

Концепция жизни-книги помогает Битову заполнить образовавшийся зазор между жизнью и литературой. Соответственно, проблема *симуляции действительности* осмысливается в романе «Пушкинский дом» как проблема отчуждения русской классической литературы и жизни. А. Битов фиксировал наступление эры тотальной симуляции: эпохи «без культуры и гения». Симулякр выступает как свидетельство дефицита натуры и культуры. Хотя слово «симулякр» не входит в «словарь» автора, но в романе активно формируется *понятие* о симулякре, исследуются возможные пути его преодоления.

В этом разделе исследования центральной стала проблема симуляции главного героя, сформулированная в романе как «современное

несуществование героя». В центре внимания оказывается сознание Льва Одоевцева. Особое свойство интеллигенции – литературность (Лотман) – его доминантная характеристика. Литературные параллели: Лева и Печорин, Лева и Базаров, и князь Мышкин, и бедный Евгений – прочитываются достаточно отчетливо.

Героями-антиподами являются в романе представители старой интеллигенции – дядя Диккенс и дед Одоевцев. Их «подлинность» основана на гуманизме, человеческом достоинстве, самоуважении, бережном отношении к культуре, ответственности перед людьми, а также внутренней свободе.

Понимание современности как эпохи «без культуры и гения» проявляется у Битова сквозь призму *симуляции* (отсутствия) *Пушкина*. Поэт в романе (а вместе с ним и вся русская культура) предстает в виде музея и посмертной маски. В произведении показано, что в современном мире нет места гению. Роман написан как тоска автора по Пушкину, творческое родство с которым так живо ощущает Битов.

А. Битов намечает несколько путей преодоления симулякра. Во-первых, это забота о сохранении культурной памяти, заключенной в слове через непосредственное общение с классической литературой (на примере образа дяди Диккенса). Кроме того, это стремление личности сохранить «тайную свободу»: внутреннюю независимость в творчестве, мыслях (в связи с образом деда Одоевцева). Осознание симулятивности жизни должно повлечь и активное противостояние: разрушение музея закрытых смыслов (поступок главного героя).

Творчество Т. Н. Толстой тесно связано с традицией битовской прозы, ее образной системой, мотивными рядами, метафорами-символами, внутренне присущей ей интертекстуальностью. Проблема симуляции образа интеллигента – одна из центральных в романе «Кысь».

Главную идею произведения можно определить как недостижимость истины, ускользание ее от человека, подмену подлинного мнимостью.

В центре конфликта находится образ главного героя. Перед нами тип *нового интеллигента*, возникший в условиях «наоборотного» мира, изображенного Толстой. По роду занятий Бенедикт – «государственный писец, казенный голубчик». Получив по наследству от матери интеллигентную профессию, стал ли Бенедикт интеллигентом? Это один из главных вопросов, который предстоит решить читателю.

Проблема симуляции действительности у Толстой решается через проблему искажения языка. В романе отчетливо прослеживается тенденция к моральной деградации героев пропорционально обеднению и искажению их речи. Не случайно в финале романа показателем нравственного падения Бенедикта становится его пренебрежение к слову.

Отдельно рассмотрен *симулякр Пушкина*, представленный в произведении как памятник. Изготовление памятника поэту становится для героя актом духовного просвещения. Однако величие Пушкина недоступно пониманию героя и памятник получился непохож на словесное описание опекушинского оригинала. Зияющую пустоту внутреннего смысла памятника

Бенедикт наполнил собственным содержанием. Памятник Пушкину становится зеркалом, «моим Пушкиным» героя Толстой. «Ну уж какой есть, терпи, дитятко, – какие мы, таков и ты, а не иначе! Ты – наше все, а мы – твое, и других нетути! Нетути других-то!» (Толстая Т.Н. «Кысь»).

Автор заставляет задуматься над сущностью перемен, происходящих с современными людьми. В романе также решается проблема ответственности интеллигенции за право обладать культурными ценностями. В соответствии с этим право называться интеллигентом получает тот, кто осознает эту ответственность перед другими людьми, а не присваивает достоинства культуры. Писатель прогнозирует пути развития современной культуры и справедливо полагает, что не может быть ценностей вне человека.

Продолжает тему симуляции бытия творчество **Виктора Пелевина**. В. Пелевина-писателя прежде всего интересуют процессы, происходящие в области сознания и коллективного бессознательного, индивидуальной психики, их воздействие на ход истории, социальное поведение людей. И, как следствие, у автора актуализируется внимание к феномену идеологии, рекламы, возможностям компьютерных технологий, исследуется современное состояние русского национального архетипа.

Идеи дзен-буддизма нашли в творчестве В. Пелевина причудливое сочетание с постмодернистскими представлениями о виртуальной реальности, в которую все больше погружается современный человек.

Центральное место в сборнике «Желтая стрела» занимает повесть с одноименным названием. Из нее вышли многие темы, мотивы и образы пелевинской прозы. *Мотивом иллюзорности бытия* объединяются рассказы «Спи», «Тарзанка», «Иван Кублаханов» (жизнь как сновидение), «Вести из Непала» (коллективная медитация), «Синий фонарь», «Мардонги», «Ухряб (жизнь как смерть)», «Принц Госплана», «Проблема верволка» (компьютерная игра).

Мотив побега из иллюзорной реальности присутствует во многих произведениях Пелевина. С ним связан характерный финал: герой перепрыгивает через высокую стену («Затворник и Шестипалый»), или выходит из комнаты, где другие предаются коллективному безумию («Вести из Непала»), или покидает общество, «нырнув» в воды Условной реки абсолютной любви («Чапаев и Пустота»).

В рассказе «Мардонги» в центре внимания автора *симулякр Пушкина* как пример неприятия автором концепции современной культуры. По мнению писателя, современная культура (и наука) предстает как собрание закрытых смыслов, чужих интерпретаций, мертвых образов. В этом смысле Пелевин перекликается с Битовым и Толстой в рассмотренных нами произведениях.

В качестве новаторских приемов выступает эксперимент с жанровой формой, среди таковых у Пелевина рассказ-метаморфоза и квазиистория.

Для рассказов-метаморфоз характерен неожиданный финал, переворачивающий весь смысл предыдущего повествования (рассказы «Зигмунд в кафе», «Ника», «Естественный отбор»).

В квазиистории мы имеем дело с особым видом *хронотопа*, в основе которого лежит постмодернистский принцип двойного кодирования (Р. Барт): наряду с интертекстом, здесь наличествует совмещение в единой точке повествования культурных знаков, локализованных в разных временных пластах. В жанре квазиистории написаны рассказы «Хрустальный мир», «Происхождение видов», «Мардонги», «Девятый сон Веры Павловны», «Реконструктор», роман «Чапаев и Пустота» и др.

В романах «Чапаев и Пустота» (1996) и «Generation П» (1999) В. Пелевин анализирует состояние общества на переломе эпох (Гражданская война, Перестройка). Особое внимание автор уделяет творческой интеллигенции – литераторам. Типизируя образы современников, он выделяет две характерные группы. Первая состоит из тех, кто, столкнувшись с переменами во внешнем мире, ушел в себя, замкнулся в своем одиночестве («Чапаев и Пустота»). Другая группа состоит из тех, кто полностью растворился во внешнем мире, потянулся к материальным благам, сублимировал идеологическую дезориентацию в активное внешнее поведение, так называемые «новые русские» («Generation П»). Таким образом, два романа взаимодополняют друг друга в плане создания целостного образа героя нашего времени.

Идейное звучание многих произведений Пелевина созвучно фразе из романа «Чапаев и Пустота»: «Мы живем в визуальную эпоху».

В этом романе ключом к пониманию симуляционной природы мира и человека становятся притчи Чапаева. К примеру, притча о том, что личность человека похожа на набор платъев, которые по очереди вынимаются из шкафа. Чем менее реален человек, тем больше платъев в этом шкафу. На вопрос, кто же надевает эти платья, Чапаев в духе буддизма отвечает, что никого, кто их надевает, не существует.

Таким образом, личность человека сводится к *симулякру* (образу без подобия). Подобная трансформация происходит и с образом мира, он представляется как бесконечная смена декораций, за которыми зияет пустота. «Не знаю, как это описать. Словно бы одну декорацию сдвинули, а другую не успели установить на ее место, и целую секунду я глядел в просвет между ними» (В. Пелевин «Чапаев и Пустота»).

Петр Пустота понимает неизбежность симуляционного существования интеллигента в рамках системы, поэтому он «выходит из игры», устремляясь в воды «внутренней реки Урал», чтобы заниматься свободным творчеством.

Действие романа «Generation П», как это обычно бывает у Пелевина, плавно переходит из реалистического в универсальный план. Автор выстраивает своеобразную мифологию гиперреального бытия. Телевидение становится машиной по производству «желания» (Ж. Делез). Автор объясняет скрытые механизмы воздействия телевидения на разум людей. В сознании большинства гиперреальность постепенно вытесняет реальность. Более того, как представляет автор, сам человек постепенно исчезает, растворяется в пространстве экрана.

Постепенно герой понимает, что свобода, открывшаяся ему и его поколению, была иллюзорной. Власть поменяла свое обличье, усовершенствуются ее рычаги, но суть от этого не меняется. Познав изнаночную сторону деятельности работников масс-медиа сферы, Татарский сам становится одним из них. Создав свою голографическую копию, он покидает мир реальный и существует в гиперреальности.

С точки зрения автора, подобный поступок расценивается как предательство личности самой себя, шаг назад к конформистскому существованию. Герой словно возвращается в вагон «Желтой стрелы», в мир коллективной иллюзии, замкнутый круг симулякров.

Таким образом, творчество В. Пелевина продолжает лучшие традиции постмодернистской прозы. В нем с присущими автору метафоричностью и иронией затрагиваются волнующие многих сложные вопросы современного бытия. Автор «Чапаева и Пустоты» вслед за А. Битовым и Т. Толстой предлагает собственный рецепт разрушения «музея» мертвых смыслов: принцип компьютерной игры. Его герои, подобно участникам виртуальной игры, могут просто сойти с поезда или покинуть комнату, перелезть через стену – и оставить неуютный им мир, духовную «тюрьму». Однако моральные и физические последствия такого шага остаются непроясненными до конца.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Принимая во внимание сложность, подчас противоречивость философских, эстетических, онтологических воззрений постмодернизма, мы постарались выстроить в рамках данного диссертационного исследования концепцию постмодернизма как художественной системы, опираясь на три системообразующие категории: мир, человек, искусство.

Объективная ситуация современности сложилась таким образом, что человек осознал затруднительность своего существования в прежней (классической) системе координат: идеи прогресса, линейного историзма, божественной причинности явлений подверглись серьезному пересмотру. Картина мира в представлении постмодернистов существенно отличается от традиционной, в которой наличествует «ось» мира – нравственный, религиозный эталон, относительно которого выстраиваются представления о добре и зле, правде и лжи, прекрасном и безобразном, комическом и ужасном. Постмодернистская философия упраздняет идею бинарности мира, сформулировав представления о гиперреальности и виртуальных мирах. Постмодернистская (неклассическая) эстетика в качестве адекватной модели современного бытия искусства выдвигает понятие «мир (сознание) как текст».

В ходе исследования также определены типологические черты постмодерновой личности. Ей присущи онтологическая неуверенность и виртуализация сознания. Личность в постмодернизме представляет собой совокупность множества «субличностей», существующих попеременно в разных виртуальных обстоятельствах, либо способных вести сосуществование в виде «двойного присутствия», подобно участнику компьютерной игры.

Неотъемлемой составляющей постмодернистского мировоззрения, важной категорией его эстетики стали представления о симулякре. Его теория

симулякра прошла длительный путь формирования от Платона до Делеза, Бодрийяра, Клоссовски и других. В контексте общего отказа от идеи референции постмодернизм радикализирует интерпретацию симулякра: постмодернистская философия задает мыслительное пространство, где «идентичность образца и подобие копии будут заблуждением» (Делез). Таким образом, симулякр в этом контексте определяется в качестве «точной копии, оригинал которой никогда не существовал» (Джеймисон).

Однако теория симулякра не стала просто «калькой» в русской науке. В трудах М.М. Бахтина, М.Ю. Лотмана, М.Б. Храпченко в разное время высказаны сходные размышления об особенностях знака-образа, вторичного по отношению к художественному образу. Все названные исследователи отмечали «призрачную пустоту» такого образа. А это, на наш взгляд, сущностное свойство симулякра.

Русская постмодернистская литература по-своему, средствами искусства раскрывает содержание понятий «симулякр» и «симуляция». В интерпретации А. Битова («Пушкинский дом») симуляция предстает как тотальное свойство социалистической эпохи. У Т. Толстой проблема симуляции действительности показана в универсальном плане через исследование нравственных «мутаций» общества («Кысь»). В произведениях В. Пелевина проблема симуляции бытия дополняется представлениями о технизированном обществе, погруженном в сферу масс-медиа и разного рода иллюзорного бытия («Чапаев и Пустота», «Generation «П»», рассказы сборника «Желтая стрела»).

Кроме того, в русской литературной практике проблема симулякра нашла отличное от западного отражение. В западной литературе образ-симулякр вовлечен в игру с формой, травестирование, пастиш, здесь ставка делается в основном на развлечение читателя. В русском постмодернизме внешний игровой эффект симулякра отступает на второй план. Проблема симулякра у названных авторов неизменно сопрягается с целым комплексом нравственных, культурных, а также философских проблем. Среди таковых проблема культурно-исторической преемственности поколений, гуманизма в условиях современной цивилизации, ответственности за право обладания духовными ценностями, а также проблема творческой свободы личности в условиях власти симулякра.

Эти вопросы у всех писателей решаются через призму наиболее крупных симулякров: «образ А.С. Пушкина» и «русский интеллигент». У А. Битова знаком симуляции (отсутствия) Пушкина становятся музей и посмертная маска поэта, у Т.Толстой – памятник, у В. Пелевина формулируется понятие мардонга, «внутреннего мертвеца», подменяющего подлинные представления о поэте и его творчестве.

Утрата в массовом сознании данными концептами подлинной глубинной сущности становится показателем общего упадка культуры и сигналом тревоги в отношении перспектив развития человечества в условиях современной цивилизации. Постмодернистская литература не просто констатирует симулятивность важнейших нравственно-эстетических категорий, но одновременно ведет поиск путей выхода за пределы симулякра.

Писатели-постмодернисты побуждают задуматься над абсурдными явлениями в культуре и обществе, навязанными людям стереотипами. Авторская мысль в каждом представленном случае развивается в направлении пристального внимания к проблеме девальвации слова, ведь именно в языке, литературе, как в зеркале, отражается современный человек. В свою очередь и А. Битов, и Т. Толстая, и В. Пелевин стремятся вызвать непосредственное, живое читательское восприятие литературного текста. В этих целях используются ресурсы поэтики постмодернистского текста: диалогизм, игра, интертекстуальность, особого рода хронотоп, приемы авторской маски и овеществленной метафоры. Одним из важнейших средств авторского метода оказывается образ-симулякр.

Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в следующих публикациях:

1. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) Мир как иллюзия в произведениях В. Пелевина / О. А. Порутчик // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2008. – № 1. – С. 51-55.

2. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) Драматургия «театра абсурда» как переходное явление от модернизма к постмодернизму запада. (К вопросу о генезисе постмодернизма. На материале пьесы С. Беккета «В ожидании Годо») / О. А. Порутчик // Сборник научных трудов докторантов, научных работников, аспирантов и студентов. Вып. 9. – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2001. – С. 142-147.

3. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) Проблема духовного наследия в романе Т. Толстой «Кысь» / О. А. Порутчик // Сборник науч. трудов докторантов, научных работников, аспирантов и студентов. Вып. 12. – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2002. – С. 170-174.

4. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) Чапаев и «симулякр». (К проблеме художественного образа в современной русской нереалистической прозе.) / О. А. Порутчик // Русское литературоведение в новом тысячелетии. Материалы 1-й Международной конференции «Русское литературоведение в новом тысячелетии». В 2 т. – М. : РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2002. – С. 112-116.

5. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) К проблеме художественного образа в литературе постмодернизма (На материале романа А. Битова «Пушкинский дом») / О. А. Порутчик // Вестник докторантов, аспирантов, студентов, № 1. Том 1. – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2003. – С. 54-58.

6. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) Постмодернизм как культура симулякров / О. А. Порутчик // Русский язык и литература: теория и практика обучения. Сборник научных трудов / Под ред. Проф. Г. А. Анисимова и проф. В. А. Степанова. – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2003. – С.35-42.

7. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) Язык как организующее начало в пространстве постмодернистского текста (на материала романа Т. Толстой «Кысь») / О. А. Порутчик // Язык, литература, культура: диалог

поколений. Сборник научных статей. – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2004. – С. 366-371.

8. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) Прием игры в произведениях М. Павича / О. А. Порутчик, Н. Е. Белова // Фольклор и литература: вопросы теории и истории. Сборник научных трудов. – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2005. – С.145-151.

9. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) Телевидение или жизнь? (приемы постмодернизма в масс-медиа) / О. А. Порутчик // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические. Сборник научных статей. Часть 2. – Чебоксары : Чувашгоспедуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2006. – С 4-6.

10. Порутчик, О. А. (Бычкова, О.А.) Симулякр (знак отсутствия) Пушкина в романе Т. Толстой «Кысь» / О. А. Порутчик // Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и школе. Материалы VII региональной научно-практической конференции 8 – 9 ноября 2007 года. – Йошкар-Ола: МГПИ им. Н. К. Крупской, 2008. С. 107-112.

Бычкова Ольга Анатольевна (Россия)

**Проблема симулякра в постмодернистской литературе
(на материале произведений А. Битова, Т. Толстой, В. Пелевина)**

Диссертация посвящена исследованию феномена симулякра в произведениях русского постмодернизма. В исследовании описаны и проанализированы важнейшие категории постмодернистской философии и эстетики, а также определена специфика образа-симулякра по отношению к понятию «художественный образ». На материале наиболее значительных художественных произведений русского постмодернизма разных лет («Пушкинский дом» А. Битова (1971), «Кысь» Т. Толстой (2000), «Чапаев и Пустота» (1994), «Generation «П» (1999), рассказов сборника «Желтая стрела» (1999), В. Пелевина) исследованы особенности проявления симулякров «русская интеллигенция» и «образ А.С. Пушкина».

Результаты исследования могут быть использованы в процессе преподавания современной русской литературы, в лекционных и специальных курсах по проблемам постмодернизма.

Olga A. Bychkova (Russia)

**Problem of simulacra in postmodernistic literature
(on the material of works of A. Bitov, T. Tolstaya, V. Pelevin)**

The dissertation is devoted to research of a phenomenon of simulacra in works of Russian postmodernism. The major categories of postmodernistic philosophy and aesthetics are described and analyzed in the research, and the specificity of an image-simulacra in relation to concept an «art image» is also determined.

The features of display simulacra «Russian intelligentsia» and the «image of A.S. Pushkin» are investigated on the material of the most significant works of Russian postmodernism of different years («The Pushkin house» by A. Bitov (1971), «Kys» by T. Tolstaya (2000), «Chapaev and Pustota» (1994), «Generation «P» (1999), the collection of stories «Yellow arrow» (1999) by V. Pelevin).

The results of the research can be used in teaching modern Russian literature, in lecture and special courses on problems of postmodernism.

Подписано в печать 22.04.2008 г.
Печать трафаретная

Заказ № 318
Тираж: 100 экз.

Типография «11-й ФОРМАТ»
ИНН 7726330900
115230, Москва, Варшавское ш., 36
(495) 975-78-56, (499) 788-78-56
www.autoreferat.ru

